

ХРОНИКА

ВИЗАНТИЙСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ
И ТРАДИЦИИ ДРЕВНЕЙ И СРЕДНЕВЕКОВОЙ
ИСТОРИОГРАФИИ

Византинисты, а также медиевисты, слависты, востоковеды Болгарии, ГДР, Польши, СССР и Чехословакии собрались на конференции «Византийская историография как звено средневековой историографии», организованной Комиссией по византистике Исторического общества ГДР (февраль 1980 г.). Это была пятая сессия специальной Комиссии по византистике, продолжающей деятельность основанного в 1961 г. Византийского общества при Секции медиевистики Немецкого Исторического общества¹. Местом встречи был избран богатый историческими традициями старинный город Мюльхаузен в Тюрингии — город Томаса Мюнцера, важный центр крестьянского антифеодального движения. Задачей конференции были изучение характера и форм византийской историографии, выяснение ее роли как исторического источника в византиноведении, а также в медиевистике и ориенталистике. Сравнительный анализ византийского историописания с античной и средневековой историографией, как западноевропейской, так и стран Востока, предполагал выявление черт традиции и новаторства, аспектов взаимного влияния исторической литературы различных стран эпохи феодализма.

Проведение конференции было приурочено к 400-летию со дня смерти одного из основоположников византиноведения, немецкого гуманиста Иеронима Вольфа (1515—1580). Вступительный доклад, посвященный его жизни и творчеству, прочитал член-корреспондент АН ГДР И. Ирмшер. Идея целостности византийской культуры определила для немецкого гуманиста задачу создания Корпуса источников по истории Византии — *«integrum byzantinae historiae corpus»*. Понимание И. Вольфом места Византии как важного звена мирового развития культуры определяло идею всеобщего охвата исторического пути Византии — *«a Constantino Magno ad Constantinum postremum»*. От этого начинания — прямой путь к подобным научным изданиям

современности. И. Вольф некоторое время прожил в Мюльхаузене: об этом периоде его деятельности рассказал Г. Гюнтер (ГДР).

Работа конференции была распределена по трем проблемным циклам. Доклад члена-корреспондента АН СССР Э. В. Удальцовой об особенностях ранневизантийской историографии открывал первый из них — «Характер и формы византийской историографии». Для определения характера и особенностей византийской культуры большое значение имеют типологические построения. Делаются попытки выявить общее и особенное в византийской культуре по сравнению с Западом и Востоком, установить синхронность или асинхронность их развития, сходство и различие, противоборство и взаимовлияние. Византийская историография отразила главные типологические особенности византийской культуры. Становление ранневизантийской историографии проходило в острой борьбе с философскими, историческими, эстетическими и другими воззрениями античного мира; но одновременно шел процесс сближения и взаимного обогащения античной и христианской культур. Аммиан Марцеллин олицетворяет прямую преемственность античной римской и византийской традиций. Постепенно в трудах историков VI—середины VII в. симпатии к язычеству отступают на второй план — их сменяет внешнее признание христианской религии. Христианская идеология все сильнее воздействует на труды светских историков, уживаясь с преклонением перед античным прошлым. Докладчица отметила проникновение новых тенденций, все отчетливее проявившихся в ранневизантийской историографии: христианского вероучения, этики, более примирительного отношения к варварским народам. В целом в мировоззрении ранневизантийских историков отчетливо отразилась противоречивость самой переходной эпохи. Создание новых форм и жанров исторического повествования в ранней Византии было по существу внешним проявлением принципиально иного, чем в античности, осмысления византийцами всемирно-исторического процесса. Формируются новые концепции мироздания, исторического развития.

В докладе Р. Досталовой (ЧССР) анализировались сочинения историков (*Geschichtsschreibung*), творениям хроник

¹ Кэпитейн Х. Сессия специальной византийской комиссии Исторического общества ГДР. — ВВ, 1976, 37, с. 294—295; Она же. Третья конференция специальной византийской комиссии Исторического общества ГДР. — ВВ, 1978, 39, с. 279—280.

стов был посвящен доклад *В. Тыпковой-Займовой* (Болгария). Обе исследовательницы показали, что даже при учете обычно отмечаемых черт различия двух жанров исторических произведений это разделение весьма условно, оно базируется на выделении подчас лишь внешних свойств обоих видов источников. Р. Досталова рассмотрела античную терминологию, отметила ориентацию на древние реалии византийских источников. Риторичность, акцент на литературно-выразительной, а не только на фактологическо-повествовательной стороне дела также обусловлены принципами античного континуитета византийской историографии. Наиболее специфично для историков понимание пространственно-временных отношений: описание среднего средневекового мира: эта специфика обусловлена рассказом о своем, современном им, мире, близкий автору хронологически и территориально масштабам. Однако В. Тыпкова-Займова показала, что эти черты присущи и мировидению некоторых авторов хронографий. На примере Михаила Пселла ею демонстрируется активное, «современное» восприятие времени. Хронисты, опираясь на стереотипные, привычные средневековому обществу образы, актуализируют историческое прошлое в соответствии со своими социальными, политическими и нравственными принципами.

Некоторые особенности хронологии Феофана рассмотрела *И. Розов* (ГДР). Общее и специфическое в характере византийских «церковных историй» — предмет исследования *Ф. Винкельмана* (ГДР). Данный историографический жанр в контексте византийской культуры не является изолированным обособленным видом историописания: церковные хронисты, несмотря на сюжетную, казалось бы, ограниченность как в отношении методики освещения материала, так и по широте социальных и политических интересов, создавали историографические памятники универсального характера. Это доказывает и широта социального состава читателей «церковных хроник».

Широкое проникновение латинского языка в ранневизантийское историописание было подчеркнуто *М. Саламоном* (Польша) в докладе «Латинская историография в ранневизантийском Константинополе». Традиции римской государственности, а также активная деятельность выходцев с Запада в Константинополе обусловили значение латиноязычной историографии для Византии. Однако центр латинской культуры на Босфоре, хотя и усиливался благодаря контактам с Западной Римской империей, не был целиком зависим от них. Это позволило латиноязычной культуре в Византии преодолеть кризис в V в. и стало одной из причин культурного возрождения в самой Италии в VI в. Латинские хроники формировали и собственно византийскую политическую идеологию (концепция Константинополя — «второго Рима»), а также оказали влияние на средневековую западноевропейскую историографию.

Значение агиографии для византийского историописания рассмотрел *Ю. Дум-*

мер (ГДР). Византийские жития не только являлись источниками для историков, но и сами содержали богатую историческую информацию. Изображение агиографического героя при всей идеализации и типизации в целом отвечало принципам средневекового историзма.

В. Вавжинец (ЧССР) в этом плане дал анализ таких агиографических памятников, как «Житие Константина» и «Житие Мефодия». *Д. Фрейданк* (ГДР) указал на центральное место исторических сюжетов в южнославянских и русских житиях, героями которых являются исторические деятели: Владимир, Борис и Глеб, Александр Невский. Одновременно выступавшие отметили агиографические элементы в самой аналитике.

На втором проблемном цикле конференции обсуждались вопросы византийского историописания в его отношении к предшествующей и современному ему историографическим традициям.

«Античная историография и византийское историописание» — тема доклада *М. В. Бибикова* (СССР). На примере таких областей мировидения, как организация исторического пространства и времени, изображение исторического героя, было показано, что за внешней близостью элементов восприятия мира у византийских историков с античными представлениями стоят принципиальные различия всей системы понятий. Подобно тому как историческое пространство византийской историографии внешне кажется идентичным античному (тождество этно- и топонимики, традиционализм географической ориентации), на деле же является глубоко отличным от него, как историческое время постулируется линейным отражением трансцендентных высших сил, обобщаясь индивидуализированно организованной, окрашенной партикуляризмом восприятия категорией, так и исторический герой при всем символизме и стереотипности оказывается живой деятельной фигурой, связанной со своим обществом и эпохой. Основные категории византийского историзма, вырастая из эллинистических норм, превращаются в новые по содержанию понятия.

М. Шпрингер (ГДР) сравнил средневековую западноевропейскую и византийскую историографию. Он подчеркнул, что, несмотря на общность исходных условий развития (античный субстрат языка, мировоззренческих принципов), конкретные пути обеих историографических традиций были разными. Воплощение принципов историзма в произведениях византийского искусства было прослежено в докладах *Р. Гюнтера* и *А. Эффенбергера* (оба — ГДР).

Византия являлась центром пересечения различных культурных традиций Запада и Востока. Тесная связь и взаимное влияние византийской историографии и исторических сочинений средневекового Востока продемонстрировали *П. Нагель* применительно к христианской традиции и *Г. Штромайер* (оба — ГДР) в связи с традициями историописания исламских стран. *Э. Г. Хинтбидзе* (СССР) раскрыл характер взаимных свя-

зей историографии и культуры в целом Византии и Грузии. Он подчеркнул, что на грузинской почве античные и византийские традиции получали развитие в соответствии с местными культурно-историческими условиями. *Х.-Д. Дэнман* (ГДР), рассмотрев этапы развития южнославянской исторической литературы, раскрыл диалектику восприятия византийского наследия в Болгарии с учетом литературно-исторических запросов славянских стран.

На этнонимике византийской историографии остановилась *Б. Застерова* (ЧССР), показав значение этногеографических стереотипов как своеобразного стилистического элемента византийского историописания. *Г.-Х. Хансен* на примере свидетельств об иберах в византийских церковных хрониках, а *Г. Диттен* (оба — ГДР) — о германцах в позднеантичных и византийских источниках выявили специфику средневековой терминологии, особенности словоупотребления византийских историков.

На типологическое сравнение византийской историографии и историописания стран Дальнего и Среднего Востока были направлены доклады третьего цикла. Многие черты средневекового историописания Индии (доклад *М. Ньямаш*), Китая (доклад *З. Берзинга*) и Японии (доклад *Ю. Бернда* — все из ГДР) сопоставимы с жанровыми и стилистическими особенностями сочинений византийских историков.

Таким образом, почти тридцать заслушанных докладов и содокладов познакомили с основными результатами новейших работ ученых. Обсужденные исследования послужат важным вкладом в общение сравнительно-исторических

изысканий в области византийской историографии, станут новым звеном в изучении типологии историописания средневекового мира. Было убедительно показано важное место Византии как связующего звена путей и форм социально-культурного развития государств и народов Западной Европы, Востока и особенно славянских народов Руси.

В рамках работы сессии состоялось рабочее совещание византистов — участников конференции по подготовке Свода древнейших источников по истории народов СССР. Это издание², первого тома которого («Скандинавские рунические надписи», «Английские средневековые источники», «Византийская историография IX в.: Феофан и Никифор») увидели свет в последние годы, является объектом сотрудничества медиевистов ряда стран. Самой большой по объему и одной из важнейших по содержанию является античная и византийская серия Свода. Активное участие в подготовке ряда выпусков этой серии принимают ученые ГДР под руководством *И. Ирмшера*. На совещании в Мюльхаузене был обсужден текст доклада члена-корреспондента АН СССР *В. Т. Пашуто* «Цели и задачи Свода древнейших источников по истории народов СССР». *М. В. Биби́ков* ознакомил специалистов с особенностями издания и принципами авторской работы. Совещание, как и конференция в целом, прошло плодотворно, приведя к конструктивным результатам.

М. В. Биби́ков

² См.: *Пашуто В. Т., Рыбаков Б. А.* О Корпусе древнейших источников по истории народов СССР. М., 1974.

БОЭЦИЙ И СРЕДНЕВЕКОВАЯ КУЛЬТУРА

В 1980 г. отмечался 1500-летний юбилей Аниция Манлия Торквата Северина Боэция (480—525) — мыслителя, заключавшего античную философскую традицию и в то же время заложившего основы западноевропейской средневековой культуры. Этой дате была посвящена Всесоюзная научная сессия «Боэций и средневековая культура», организованная секцией «Генезис и развитие феодализма» Научного совета по комплексной проблеме «Закономерности исторического развития общества и перехода от одной социально-экономической формации к другой», секторами истории средних веков и византиноведения Института всеобщей истории АН СССР. В ее работе приняли участие историки, философы, филологи, искусствоведы, студенты и аспиранты из разных городов страны.

Вступительное слово произнесла член-корреспондент АН СССР *З. В. Удальцова*. Она подчеркнула плодотворность союза представителей различных областей гуманитарного знания в развитии исследований по истории культуры. Благоприятным объектом для такого комплексного изучения является творческое наследие Боэция, «последнего римлянина» и «первого

человека средневековья», оставившего заметный след в различных областях европейской культуры. *З. В. Удальцова* отметила, что в исследовании культурно-идеологических процессов эпохи перехода от античности к средневековью важно избегать крайностей как германистской, так и романистской концепций.

В докладе *В. И. Уколовой* «Боэций как мыслитель и деятель культуры» была предпринята попытка дать анализ и обобщающую оценку творческого наследия философа. Поставивший своей целью сохранить для варваризирующегося мира учения Платона и Аристотеля, доказав их внутреннюю общность, Боэций в осуществлении задач переработки и приспособления античного духовного наследия к новым историческим условиям следовал по пути, естественно вытекавшему из развития позднеантичной языческой философии. Эта тенденция явственно прослеживается в его сочинениях по арифметике и музыке, определении целей образования, в деятельности Боэция как переводчика и комментатора произведений Аристотеля, Цицерона, Порфирия. Его философская система, с наибольшей полнотой представленная в сочинении